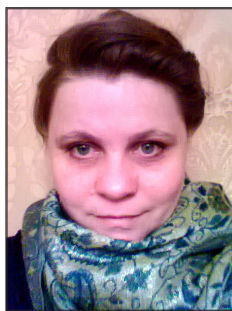

УДК 37.017.925:39(=161.1)

Духовное значение прообраза орла в народном искусстве Древней Руси

Тимонина О. Ю.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Новгородский государственный
университет имени Ярослава Мудрого», Великий Новгород

зооморфные символы.

Особую актуальность в современном образовании приобретает сохранение традиций в духовно-нравственном воспитании; развитие исторической памяти и национального самосознания молодых поколений; распространение национальной художественной культуры и народного искусства как корневого ее начала.

Однако сложившиеся подходы к истолкованию семантики народного искусства христианского периода исключительно на основе языческого мировоззрения не в полной мере раскрывают его духовно-нравственный воспитательный потенциал, осложняют освоение и использование художественного языка народного искусства.

В статье предпринята попытка толкования на основе христианского мировоззрения одного из ведущих прообразов народного искусства, являющегося одновременно и современным геральдическим знаком, и общепринятым христианским символом, – двуглавого орла.

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание, народное искусство, символика,

(Искусство и культура. — 2014. — № 3(15). — С. 78-84)

Ecclesiastical Value of the Symbol of the Eagle in Folk Art of Ancient Russia

Timonina O. Y.

Federal state budgetary educational establishment of higher professional education
«Novgorod State Yaroslav the Wise University», Veliky Novgorod

The preservation of traditions in the ecclesiastical and moral education, the development of historical memory and national consciousness of the younger generation, distribution of national artistic culture and folk art as the root of its beginning are of especial topicality in modern education.

However, existing approaches to the interpretation of the folk art symbols of the Christian period only on the basis of the pantheistic worldview do not completely disclose its spiritual and moral upbringing potential and complicate the development and application of the artistic language of folk art.

An attempt of interpretation of the double-headed eagle as one of the leading prototypes of folk art, which is both modern heraldic sign and accepted Christian symbol, on the basis of the Christian worldview is made in this article.

Key words: ecclesiastical and moral education, folk art, symbolism, zoomorphic symbols.

(Art and Culture. — 2014. — № 3(15). — P. 78-84)

Всякий раз, когда мы подходим к преподаванию основ народного искусства и касаемся его семантики, мы сталкиваемся с некоторой недосказанностью. Широко известны исследования в области пантеистического истолкования знаков на-

родного искусства дохристианской поры, но какой смысл вкладывали в диковинные узоры народные мастера православной Руси? Есть ли достоверные свидетельства о переосмыслении этих таинственных знаков с принятием христианства русским на-

Адрес для корреспонденции: e-mail: tim.olya2012@yandex.ru – О. Ю. Тимонина

родом? Каково оно? Ответы на эти вопросы важны не только с точки зрения освоения молодыми людьми художественного языка народного искусства, но и с позиции полноценного использования его мощного духовно-нравственного потенциала в воспитании подрастающих поколений.

Народное искусство хранит в себе множество загадок. Одна из них – знамение двуглавого пестрого орла с простертыми большими крыльями, длинными перьями, распушенным хвостом с диковинными антропоморфными и зооморфными фигурками на зеркале, с предстоящими павами и конями. Так же, как и орел одноглавый, он встречается в сложных трехчастных композициях, народных вышивках на концах крестильных полотенец, на подолах женских праздничных рубах, сарафанов и передников, шитых золотом женских венчальных головных уборах, в резьбе по дереву и камню, в народной живописи.

В работах Г. П. Дурасова, В. В. Стасова, В. А. Городцова, А. К. Амброза, А. А. Афанасьева, Б. А. Рыбакова, Г. С. Масловой и других исследователей, занимавшихся изучением символики народного искусства архаического типа, справедливо отмечается, что время появления этого знака теряется в глубине веков. Древнейшие известные его изображения относятся ко II тыс. до н. э. и встречаются на территории Хеттского государства в Малой Азии. Немногим уступают им по возрасту и двуглавые птицы Верхнего Поволжья (I тыс. до н. э.). В Индии сохранились изваяния двуглавого орла в г. Тексила (II в. до н. э.). Такие орлы встречаются также на цилиндрических печатях Халдеи и барельефах Капподокии. Различные толкования этого знака дохристианских времен запечатлены в гимнах Ригведы, в Авесте, в скандинавских сагах, в египетских и древнегреческих мифах и легендах. Все они достаточно хорошо изучены и описаны [1]. Толкование этого знака в русской народной вышивке Г. П. Дурасов, например, связывает с символом небесного огня (огненной колесницы) и огневой системой земледелия, женскую антропоморфную фигурку толкует как прообраз языческой богини матери-земли [2].

Но насколько правомерно пантеистическое толкование этого знака на крестиль-

ных полотенцах, убрусах и набожниках, украшающих красные углы изб, на свадебных нарядах и полотенцах-подножниках, постилаемых под ноги молодым в Церкви во время православного обряда венчания? Есть ли знак орла не в Ригведе или Авесте, а в Библейских книгах, известных и почитаемых на Руси? Как он осмыслился в национальном самосознании русского народа?

Цель данной статьи – попытаться истолковать на основе христианского мировоззрения один из ведущих прообразов народного искусства – двуглавый орел. Они будут способствовать не только полноценному восприятию зрителем, но и осмыслению им произведений народного искусства, вчувствованию в духовную глубину его прообразов, помогут вдумчивому повтору его элементов, созданию современными мастерами своих вариаций и даже импровизаций по мотивам народного искусства, наполненных нравственным смыслом.

Библейское объяснение существования прообразов народного искусства. Еще в книгах Ветхого Завета известны упоминания об огненных колесницах и диковинных орлах, о звероподобных существах с орлиными клювами и птичьими перьями: «Скажи: так говорит Господь Бог: большой орел с большими крыльями, с длинными перьями, пушистый, пестрый прилетел на Ливан и снял с кедра верхушку...» (Иезек. 17:3). Но имеет ли православное предание объяснение появлению этих знаков в дохристианской древности и есть ли их христианское толкование? Да, имеет.

Согласно Библейским сказаниям, знаки эти явлены были еще дохристианским пророкам, не только народу Израиля, но и царям древних царств и фараонам египетским. Их смысл был разъяснен им через Ангелов: в духовных видениях, тонких снах и божественных откровениях. Библейская энциклопедия XIX века объясняет нам, что явлены они были Богом миру для описания умных Сил и стройного порядка небесных чинов, не имеющих образа; для возведения человеческого рассудка к размышлению о горнем; в предзнаменовании о Боговоплощении и спасении рода человеческого. Различия же в духовном осмыслении этих символов у разных народов земли православное предание связывает с разной степенью духовной про-

свещенности светом Божественной Истины. Степень же просвещенности разных народов – с мерою их отклонения от пути истинного после изгнания рода человеческого из Рая к богам ложным; а также с тем, что не все народы вняли своим пророкам [3].

Как известно, и К. Г. Юнг в своем учении об архетипах также указывает на сновидения как на источник рождения врожденных образов и идей, удивительным образом связанных с мифическими и религиозными темами, присутствующих даже в очень далеких друг от друга культурах. Так им были открыты архетипы (от греч. архе – начало и типос – образ) – мощные психические образы, скрытые в глубинах бессознательного. Эти своего рода бессознательные врожденные всеобщие образные представления о мире и жизни получили с его легкой руки название «коллективного бессознательного». Понятие прообраз народного искусства принято соотносить с понятием архетип, а само народное искусство связывать с ярким проявлением коллективного бессознательного в коллективном художественном творчестве.

Подробное православное толкование этих прообразов заключается в книгах Библии, а также в древнерусской и средневековой святоотеческой литературе. Весьма обстоятельный обзор важных для древнерусской символики восточно-христианских источников можно отыскать в первых двух главах «Введения в «Русскую символику» графа А. С. Уварова [4]. До революции в этом же направлении работали ученые-словесники – А. А. Потебня, Н. И. Костомаров, А. Н. Афанасьев, П. В. Киреевский, Ф. И. Буслаев, Н. П. Кондаков.

Так, например, Н.И. Костомаров предлагал следующее определение понятия символа: «Если народ имеет определенное понятие о духовном значении какого-нибудь предмета физического мира, то это значит, что такой предмет заключает символ для народа. Народные символы, расположенные в системе, составляют символику народа, которая служит нам важным источником для уразумения его духовной жизни» [5].

Отметим, что в древнерусском искусстве, вслед за искусством Византии, было принято различать первообразы, образы и прообразы.

Первообразы – это сами Божественные и небесные лица и явления, существующие в вечности (Святая Троица, Богородица, Ангелы и Архангелы и др.).

Образы – это священные изображения и предметы, овеещающие не только духовное значение, но и доступную человеческому восприятию внешность Божественных и небесных лиц и явлений. В народной языковой традиции такие изображения назывались «образами» («молиться на образа», «образная комната»).

Прообразы – это такие предметы или изображения, которые передают духовное значение Божественных и небесных истин и явлений, не изображая их непосредственно. В эстетическом наследии Церкви их круг строго определен и лишь отчасти повторяет символику народного искусства (виноградная лоза, древо Жизни, птица Пава, олень, рыба, зерно, семя, засеянное поле и т. д.)

Живой великорусский язык прообразовательные изображения и предметы именуется «знаками», «знамениями» или «знаменованиями».

Владимир Даль приводит следующее толкование: «Знамение – чертеж, изображение, рисунок, для объяснения чего. Знаменательный – знаменующий, означающий, выражающий собой что-либо. Также – имеющий значение, не пустой, не ничтожный, важный, выразительный, прообразовательный, иносказательный, заключающий в себе переносный обвиняющий смысл.

Наряду с этим существовало и понятие «прообраз» – проображенье, предзнаменование, знамение будущего. «Прообразить» что – прознаменовать, провидеть и проявлять. Прознаменовать – явить будущее знамением, предстательством, иносказанием, картиною, притчею, аллегориею.

Безусловно, когда мы имеем дело с народным искусством, мы видим не первообразы, не образы, а прообразы. Осознание русским народом пророческого смысла древних таинственных знаков (проявившееся в наименовании явления) обеспечило их сохранность в веках.

Прообраз двуглавого орла в искусстве Византии. Интересно, что в старинных былинных текстах о Соловье Будимировиче, где говорится о временах Владимира Красна Солнышка (т. е. о Крещении Руси), встреча-

ется первое упоминание о дарах заморских с изображением двуглавого орла. Среди них – «камочка хрущатая» (ткань шелковая или парча), которая «на золоте, на серебре, не гнется, не мнется», а на ней не что-нибудь – «узоры дивныя», а в узорах «мудрость Иерусалимская», «хитрость Цареградская» (хитрость в смысле искусность). В других былинных текстах о князе Романе и Марье Юрьевне поминается «камочка орленая, узорчатая». Непреложность народной исторической памяти подтверждают и археологические свидетельства. Действительно, найденная археологами византийская парча X века украшена изображениями двуглавого орла – также как и парча из Германии и Сванетии более поздних веков.

Для чего же использовалась завезенная на Русь орленая парча в Византии? Во время дворцовых приемов Константинопольский Патриарх приравнивался по рангу и по одеждам к деспотам (удельным князьям), отчего его принадлежности (одежды и коврик под ногами) украшались изображениями двуглавого орла [6].

Следовательно, согласно тексту былин в дар Владимиру Красну Солнышку из Византии гости везут ткань для церемониальных одежд высших сановников Византийской империи! Замысел, действительно, гениальный, дар весьма подходящий, чтобы склонить князя к милости. И дар русскими князьями был принят. Об этом живо и неоспоримо свидетельствуют новгородские изображения двуглавой птицы на оплечье одеяния князя Ярослава Всеволодовича, отца Александра Невского (на фреске храма Спаса на Нередице 1199 г.) и на одеждах святых Бориса и Глеба (на фреске 1380 г. в соборном храме Спаса Преображения Ковалевского монастыря). Любопытно и то, что на современных облачениях священников по-прежнему можно встретить шитое золотом знамение орла с одной или двумя головами.

Использование знамени двуглавого орла в церковной православной эстетике и упоминание об орленой камочке как драгоценном даре русским князьям в русском фольклоре неоспоримо свидетельствует о том, что этот символ в то время на Руси имел уже свое православное переосмысление, воспринятое, по всей видимости, вместе с христианской верой из Византии.

Толкование прообраза двуглавого орла на основе церковного предания. В соборе Святой Софии Константинопольской и в других византийских храмах принято было устраивать из мрамора на полу образ пещеры Гроба Господня в Иерусалиме. Перед святыми дверьми алтаря в помосте из черного и белого мрамора был вделан пурпуровый круг, на который становились цари, творя трехкратный поклон с зажженной свечой. В этом круглом омфалии помещалось мозаичное или резное изображение орла, часто «двоглавого и вверху глав их венец».

Круг с изображением «двоглавого орла» (а иногда с изображением креста или с заключенным в центр кружком порфира (от др.-греч. порφύρεος, πορφύρεος – темно-красный, пурпурный) знаменовал собой круглый камень, которым закрывалась пещера Гроба Господня (сама пещера имела вид ковчега прямоугольной формы).

В Новгороде Великом, ориентировочно в XIII веке, на полу собора святой Софии, где «мера среди церкви» (символ центра мироздания), был устроен по привезенной паломниками истинной «мере» из Иерусалима Гроб Христов. Но вместо мозаичного напольного изображения орла в круге, примерно с XVI века, в Новгороде Великом стали перед началом архиерейского служения класть круглый коврик-орлец. Изначально орел на круглом коврике имел две головы. Еще в 1657 году патриарх Никон служил в праздник Троицы вместе с Антиохийским патриархом Макарием на орлеце «большом, золотом двоглавном».

В XVI веке Митрополит Макарий переезжает из Новгорода в Москву и устраивает начало архиерейской службы, как и в Новгороде, по восточному обычаю. Но в Москве в Успенском соборе Кремля ограничились подстиланием прямоугольного ковра и, поверх него, круглого коврика-орлеца. Теперь прямоугольный коврик («Гроб Господень») и круглый коврик с изображением орла («камень у Гроба») можно было переносить с места на место – подобно тому как духовно перемещается в пространстве и времени Небесный Божий Град Иерусалим из одного земного царства истиной веры в другое [7].

Таким образом, в знаке двуглавого орла, вошедшем с 1490 г. в русскую геральдику, ясно читается идея «Россия – Третий Рим».

Впервые Россия именуется «Третьим Римом» в писаниях псковского старца Филофея (1465–1542). В них «Рим» или «Ромейское царство» – это нерушимое и недвижимое царство истинного христианского духа, правой веры. Основой этой идеи послужило учение о странствующих царствах, восходящее в христианской традиции к библейской книге пророка Даниила (2: 4, 16–47). Толкования на нее Ипполита Римского, Ефрема Сирина, Козьмы Индикоплова и некоторых других были хорошо известны на Руси всем слоям общества. В конце XV века появляется также перевод Третьей книги Ездры, апокрифа, содержащего в одиннадцатой и двенадцатой главах аналогичные пророчества. В пророчествах явлен прообраз многоглавого орла. В них орел знаменует «царство, показанное в видении Даниилу». Три головы орла – «царства, которые сохранятся до последних времен». Согласно святоотеческому толкованию, этот орел есть прообраз Рима, а Рим, в свою очередь, прообразует весь мир [8].

В соответствии с общепринятыми святоотеческими толкованиями, России как третьему Риму предстоит хранить чистое и высокое богословие до скончания века и противостоять безнравственности, алчности и разврату, которым покорится весь мир, и в этом противостоянии она сразится с антихристом перед Вторым Пришествием Господа и Концом Света.

То же прочтение прообраза двуглавого орла встречаем и в русской геральдике XVI и последующих веков. Так, например, на гербе с двуглавым орлом на военном знамени конца XVI века (из собрания Великоустюжского музея) четко обозначен Голгофский крест между двумя головами могучего орла.

Все эти события духовной жизни русского народа придавали особое значение прообразу диковинной птицы. Любопытно, что слово «орлец» в живом великорусском языке обозначает не только архиерейский коврик – знак камня, с которого Ангел благовествовал о воскресении Христовом, но и является народным названием северного камня кроваво-красного цвета (роговик). Не исключено, что камень «орлец» название свое получил от наименования архиерейского коврика, знаменующего собой камень у гроба Господня. Согласно принятому и поныне толкованию Симеона Солунского

(переведенному на русский язык в XVII веке) подобие орла над градом на коврике орлице – это знамение чистого, правого и высокого богословия. Для выражения этой же мысли орел имеет сияние, как бы являя свет богословских знаний и благодатное дарование [9].

Как видим, победное знамение двуглавого орла как символа Третьего Рима, Нового Иерусалима и Святой Руси так глубоко и прочно вошло в национальное самосознание, что нашло свое отображение и в старинах, и в былинах, и даже в этимологии названий камня, цветом напоминающего порфир.

Неудивительно, что двуглавый орел – это излюбленный мотив народных вышивок на крестильных полотенцах, убрусах, набожниках, венчальных одеждах и подзорах, на булавках, наконечниках ножен меча, найденных в Смоленской и Вологодской областях, Киеве, Белгороде, Новгороде Великом.

Толкование прообраза двуглавого орла с птенцами на перьях и антропоморфными фигурами (ил. 1). Под этим прообразом нередко в Книгах Библии Господь подразумевает Сам Себя; а под птенцами – Израиль, народ свой: «Как орел вызывает гнездо свое, носится над птенцами своими, распростирает крылья свои, берет их и носит их на перьях своих: так Господь один водил его и не было с Ним чужого бога» (Втор. 32:11–12).

Национальное самосознание православных народов воспринимает себя как народ Божий, новый Израиль. Поэтому на русских орленых подзорах и полотенцах вплоть до начала XX века «орел двоеглавный» так и вышивался – с широко простертыми крыльями и птенцами на перьях.

В Священном Писании орел часто предстает посланником Господа (Исаия 46:11; Осия 8:1), Посланник, вестник дословно переводится как Ангел. Именно это значение подчеркивается в мотивах вышивки с предстоящими антропоморфными фигурками и такой же фигуркой на зеркале. Согласно Дионисию Ареопагиту человеческие фигурки знаменовали собой Ангелов – небесных покровителей человека или народа (Втор. 32:8). Четко обозначенные руки Ангелов также не случайны – они знамение божественной силы производить, действовать и совершать. Воздетые вверх руки знаменуют

молитву, указывающие на уши – готовность к слушанию Евангелия [10]. Ангельская природа антропоморфных фигурок подчеркивается ромбовидными головками, знаком Небесных Сил с рогами, знаменующими роги жертвенников праведников (в христианской символике то же, что и крест).

Женская антропоморфная фигурка с воздетыми вверх руками на зеркале могла также прообразовывать и Святую Соборную и Апостольскую Церковь, которая в Откровении апостола Иоанна именуется «женою», которой даны «два крыла большого орла» (Апок. 12:14). В пророчествах Она является знаменем на небе – женой, облеченной в солнце; «под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд. Она имела во чреве, и кричала от болей и мук рождения» (Апок. 12:1, 2). Церковь – это еще и Невеста Христова. В христианской эстетике Церковь – это прообраз Пресвятой Богородицы.

Крайне интересно, как этот сложный символический ряд накладывается на пантеистическое, дохристианское толкование женской антропоморфной фигуры как богини матери-земли. В библейских книгах, православных молитвословиях и фольклорных текстах Иисус Христос именуется Хлебом Живым, а Пресвятая Богородица – Землею Неоранной (непаханной), матерью Хлеба Живаго. Истинная Церковь, прообраз Пресвятой Богородицы, как собор надеющихся на Господа – это народ, в чистоте исповедания веры окрыленный силой Божией (Исаия 40:31). Прообраз народа, ищущего крылья или окрыленного и управляемого силой Божией, встречаем также в книге пророка Иеремии (48, 40; 48, 9; 49, 22).

Толкование двух голов орла, перьев, лап и хвоста (ил. 1, 2, 3, 4, 5). В изображениях двуглавого орла на народных изделиях нет ни одной случайной детали, даже число перьев (их, как правило, двенадцать) указывало на завершенность божественного действия. Перья в некоторых композициях развиваются в растительные орнаменты с христианской евхаристической символикой, выражающей также идею соборности, духовного единства и пребывания в христианской жертвенной любви (виноградные лозы, колосья, крины). Львиные лапы птицы – знак державной мощи. Две главы орла знаменуют собою веру в двоякую богочело-

веческую природу Христа, венцы – знак воплотившейся Троицы. Хвост утверждается на четырех перьях, четвероевангелии и напоминает цветок крина, иногда он расцветает виноградной лозой.

Толкование прообраза «птичьей ладьи» (ил. 2, 3). Две главы птицы с центральным знаком между ними являются знамение «ладьи». Мотив «ладьи», на которой грядет Солнце Правды, распятый Господь (с центральным знаком Древа Жизни на месте мачты – прообразом процветшего Животворящего Креста Господня) – это знамение Церкви, оплота истинной веры [11]. В народном узорочье Крест Христов между двумя головами орла замещают прообразы общепринятые в русском храмоздательстве и церковном искусстве – это древо или трилистник, цветок розы или крина. Иногда в народной вышивке можно увидеть и необычное прообразование Креста – антропоморфную фигурку на древке-шесте (знак Ангела Богочеловека) или фигурку птицы павы (знак бессмертия человеческой души), также воздетой на древке-шесте [12].

Толкование прообраза пестрого орла (ил. 4, 5). Это прообраз, связанный с темой обновления, очищения и совлечения «ветхого человека» посредством крещения. В «Толковой Палее» орлу уподоблен сам Христос, давший людям образ крещения. «Физиолог» сравнивает с орлом, омолаживающегося посредством троекратного погружения в источник, душу человека, обновляющуюся через крещение, меняющую «ветхую одежду» на «новую, богозданную» и возносящуюся «на высоту солнца праведнаго Иисуса Христа». Образ этот использует применительно к святым отцам, окрыленным апостольским учением, Кирилл Туровский в «Слове на собор святых отец в Никее». Дионисий Ареопagit отмечает такие присущие орлу духовные свойства, как царское достоинство, быстрота, зоркость, бдительность, умение быстро найти пищу, укрепляющую силы, и способность прямо смотреть на божественный свет.

В «Словаре Живаго Великорусского языка» В. Даля находим об орле: «всем птицам птица орел», «царь птиц, знак силы». Владимир Даль приводит и загадку, где четко отслеживается иносказательное значение этой птицы, связанное в живом великорус-

ском языке с таинством крещения:

Два орла орловали, третьего купали.
(Крещение)

Заключение. Подводя итог отметим, что, прообраз двуглавого орла в народном узорочье несет в себе множество глубоких иносказательных библейских смыслов, а вместе с тем мощнейший потенциал духовно-нравственного воспитания, воспитания гражданственности и отчизнолюбия.

Во всех произведениях народного искусства «пестрый орел двоеглавый с простертыми крыльями и большими перьями» неоспоримо свидетельствует о глубине усвоения православными народами сокровенного смысла Священного Писания и церковного Предания и раскрывает нравственные высоты национального самосознания этих народов. Безусловно, знание символики народного искусства во всей ее полноте и неразрывной связи с христианской эстетикой необходимо для полноценного формирования художественно-образного мышления художника и дизайнера, для полноценного освоения отечественной культуры, ее духовных и нравственных основ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Силаев А. Г. Истоки русской геральдики / А. Г. Силаев. – М., 2003. – С. 7–45.
2. Изобразительные мотивы в русской народной вышивке. Музей народного искусства. Альбом / сост. Г. П. Дурасов, Г. А. Яковлева. – М., 1990: ил. С прообразом орла на с. 119, 125,

126, 127, 165, 175, 225, 228, 229 (эти этнографические материалы приводятся как иллюстрации и к данной статье).

3. Сны и сновидения // Библейская энциклопедия. – Репр. изд. – М., 1990. – С. 663–664.

4. Уваров, А.С. Введение в «Русскую символику» / А. С. Уваров // Российский архив. – Вып. IX. – С. 608; Уваров, А. С. Христианская символика. – М., 2001. – Ч. 1.

5. Костомаров, Н. И. Об историческом значении русской народной поэзии / Н. И. Костомаров. – Харьков, 1843. – С. 26–28.

6. Романов, Г. О значении архиерейского орла в московских богослужениях XVII века / Г. Романов // К свету. – 1995. – № 17. – С. 88–90.

7. Голубцов, А. П. Соборные чиновники и особенности службы по ним / А. П. Голубцов. – М., 1907. – С. 75; Полный православный богословский энциклопедический словарь. – М., 1992. – Т. 1. – С. 138.

8. К истории создания теории «Москва – третий Рим» // ТОДРЛ. – Т. 1. – С. 569–581; Три «послания Филофея»: (опыт текстологического анализа) // ТОДРЛ. – Т. 23. – С. 68–97; Идея «Москва – третий Рим» в цикле сочинений первой половины 16 века // Там же. 1983. – Т. 37. – С. 139–149.

9. Архиепископ Вениамин. Новая Скрижаль. – СПб., 1899. – Т. 1. – С. 28. Цит. по: Григорий Романов. О значении архиерейского орла в московских богослужениях XVII века... С. 88–90; см. также: Полный православный богословский энциклопедический словарь. – М., 1992. – Т. 1. – С. 138.

10. Дионисий Ареопagit. О небесной иерархии / Дионисий Ареопagit. – СПб., 1996. – С. 58–59.

11. О значении прообраза «лады» см. в кн.: Уваров, А. С. Христианская символика. Символика древнехристианского периода / А. С. Уваров. – М., 2001. – С. 103, 104, 109, 110, 111, 114, 157, 160, 162.

12. О значении прообраза птицы павы см. в кн.: Уваров, А. С. Христианская символика. Символика древнехристианского периода / А. С. Уваров. – М., 2001. – С. 113, 117, 156, 192, 104, 124, 125, 172, 199–204. См. также: Символика русского храмоздательства: К престольному празднику Храма Христа Спасителя // К свету. – 1995. – № 17.

Поступила в редакцию 20.11.2013 г.